

Ночь опустилась быстро, и гости из сада понемногу возвращались в главный зал. Графиня Касмай ушла переодеваться в новое длинное платье, Уильяма окружили щебечущие знатные девицы, а Виэн следовал по пятам за Анселем, который внимательно выбирал угощения.

— Ты ел что-нибудь раньше? — Ансель взял тарелку с куриным мясом и посмотрел на Виэна.

— Немного... — На самом деле — нет. Виэн бегал туда-сюда, то сопровождаючи Люсию, то неотступно следуя за Анселем, и совсем не думал о еде.

Заметив виноватый взгляд юноши, Ансель с лёгким вздохом протянул ему тарелку вместе с вилкой:

— Поешь ещё, до возвращения в поместье пройдёт еще много времени. — После чего повернулся и снова принялся выбирать пирожные.

Виэн послушно взял тарелку, подцепил на вилку кусочек курицы и отправил в рот. Нежное, сочное мясо с пикантной остринкой оказалось именно таким, какое любил Ансель. Не раздумывая ни секунды, Виэн подцепил вилкой ещё один кусочек и поднёс прямо к губам Анселя:

— Попробуйте тоже, очень вкусно.

Ансель прервал свои занятия и посмотрел на него.

Только тут Виэн сообразил, что его жест вышел за рамки дозволенного, и поспешно попытался отдернуть руку, но Ансель перехватил его за запястье.

Оглядевшись вокруг, Ансель убедился, что все заняты своими делами и никто на них не смотрит. Тогда он быстрым движением притянул руку Виэна к самому рту, с ходу сглотнул лакомый кусочек мяса и, опустив голову, принялся неторопливо его пережёвывать.

Виэн плотно сжал губы, сдерживая улыбку. Он-то полагал, что если Ансель и согласится отведать угощение, то просто заберёт у него вилку и поест сам. Кто бы мог подумать, что молодой господин опустится до того, чтобы есть прямо с его руки, да ещё и сделает это украдкой, соорудив такой невинный вид, будто не творил никаких глупостей — точь-в-точь как тогда, когда Виэн застал его за попыткой залезть на дерево.

Прожевав до половины, Ансель, видимо, и сам почувствовал, что ведет себя как воришка, пойманный с поличным, и невольно тихонько рассмеялся. Осмелев от такой реакции, Виэн с покрасневшим лицом подцепил на вилку ещё один кусочек и посмотрел на него исполненными надежды глазами. Ансель покачал головой, но, опасаясь расстроить юношу, лишь протянул свободную руку, мягко похлопал Виэна по пояснице и нежным голосом произпроизнёс:

— Ладно, ешь сам. Вдоволь нарезвишься, когда вернемся в поместье.

Интонация и жест были такими, будто он обращался с юношей, который был младше его всего на два года, как с малым ребенком. Откуда же Анселю было знать, что в этой оболочке обитает душа двадцативосьмилетнего Виэна из будущего.

Виэн с милой улыбкой склонил голову набок и уже собирался заговорить, как вдруг вокруг погас свет. Не успел он сообразить, в чем дело, как почувствовал, что его притянули за одежду вперед, прямо в объятия Анселя. По инерции оба потеряли равновесие, полубоившись, отступили на шаг назад и прижались спиной к столу.

— Мм? — Ансель издал едва слышный удивленный звук и в полной темноте напряженно вглядывался вперед, пытаясь оценить обстановку.

Госпожа Цири без тени смущения ответила отказом. Хотя манеры и рассудительность молодого человека произвели на неё приятное впечатление, она по-прежнему считала, что у неё с этой знатью не может быть ничего общего, а визит в гости был бы пустой тратой времени.

Люсия стояла за спиной тетушки и со скучающим видом слушала её беседу с молодым аристократом, которого представил Уильям. Ближе к концу разговора этот аристократ пригласил их навестить его поместье.

Если он спросит меня, я отвечу, что боюсь. В конце концов, стыда у меня нет, да и он ничего со мной за это не сделает.

Колебания Виэна длились недолго: человек в его объятиях быстро расслабился, легко обнял за плечи и позволил держать себя, и единственным изъяном во всей этой картине было то, что Ансель принялся похлопывать его по спине, в точности как нянька, успокаивающая капризного ребенка.

Зазвучала нежная музыка, и круговой луч света упал на лестницу, откуда плавной походкой стала спускаться женщина в небесно-голубом шелковом платье.

При этой мысли Виэн решил идти до конца: мало того, что он сжал объятия еще крепче, так еще и зажмурился, уткнувшись лицом прямо в плечо Анселю. Он отчётливо чувствовал, как тело Анселя напряглось, а смех умолк, но ощущения от линии талии под строгим костюмом были столь манящими, а человек, о котором он так долго мечтал, наконец-то оказался в его руках, — отпускать его по-настоящему не хотелось.

Виэн с некоторым торжеством посмотрел на Анселя, ожидая услышать его оценку, и случайно заметил, что тот смотрит на происходящее на площадке с абсолютно невозмутимым видом, но при этом его шея и уши покраснели так сильно, будто с них вот-вот закапает кровь.

Одной рукой Виэн уперся в стол за спиной Анселя, а другой бережно поправил тарелку, которая чуть было не опрокинулась.

В этот момент перед глазами вспыхнул круглый пучок света, похожий на прожектор в театре. Суета и гул голосов вокруг мгновенно стихли, сменившись вздохами и звуками аплодисментов.

В царившей темноте дыхание обоих сбилось, а стук сердец слился воедино.

Ансель наверняка пытался говорить тише, чтобы не разрушать атмосферу, но шепот на столь близком расстоянии действовал на Виэна просто убийственно. Возможно, темнота придала ему смелости, а может быть, сказалось и то обстоятельство, что перед самым гашением света поблизости не было ни души, но Виэн, стиснув зубы, подался вперед и обнял его.

Платье было с открытыми плечами, что позволяло идеально подчеркнуть все достоинства её фигуры. Лиф с перекрещивающимися на груди полосками напоминал воротник матроски, а центр украшала подвеска с синим сапфиром и кисточками. Ниже воротника шли два слоя ажурного кружева — один нежно-розовый, другой молочно-белый, — которые вились, спускаясь прямо к талии. Верхний ярус пышного многослойного подола она придерживала рукой, и кружево из прозрачной сетки образовывало спиралевидные волны, усыпанные пайетками и россыпью мелких бриллиантов. Шлейф сзади имел асимметричную форму, а его цвет постепенно темнел, напоминая крылья голубой морфо.

Когда она медленно подошла к возвышению, окружающие огни постепенно зажглись, и раздались всеобщие аплодисменты. Виэн, который еще с первыми звуками музыки выпустил из рук талию спутника и чинно застыл в стороне, тоже был поражен великолепием этого появления и усердно захлопал в ладоши. У него было предчувствие, что после такого вечера масштаб их с Мерлином лавочки сможет вырасти по меньшей мере в несколько раз.

Виэн догадался, что на сцене должна появиться графиня, и только попытался шевельнуться, как услышал, как Ансель тихонько рассмеялся прямо ему на ухо:

— Чему ты удивляешься? А я-то думал...

Графиня Касмай, которой было уже под сорок, сохранила всю свою прелесть и очарование. Особенно её изящная шея, обвитая плотным кольцом жемчуга, делала её похожей на грациозного лебедя. Говорили, что прежде в аристократических кругах действовало правило: чем больше жемчуга, тем лучше, — и так продолжалось ровно до тех пор, пока шестнадцатилетняя графиня впервые не появилась на светском балу, после чего в моду вошли именно такие короткие и утонченные колье.

Неужели он и впрямь решил, что я испугался? Виэн одновременно испытывал и смех, и смущение, понятия не имея, до каких выводов додумался Ансель за те дюжину секунд ступора. Впрочем, было очевидно, что в некоторых тонких вопросах его спутник отличался удивительной простотой.

Люсия уже собиралась повернуться и уйти вслед за тетужкой, как вдруг заметила спешащего к ним слугу с черными волосами и зелеными глазами — того самого молодого человека, который уже дважды выручал её из затруднительных положений.

Эти зеленые глаза тоже устремились на нее, мгновенно став нежными и полными глубокой тоски. Сердце Люсии дрогнуло, и она непроизвольно ухватила тетужку за рукав.

Госпожа Цири остановилась и увидела, что племянница, опустив голову, с покрасневшимся от стыда лицом что-то бормочет:

— Тетя...

Люсия понимала, что тетужка ни в коем случае не должна узнать о ее истинном желании повидать того слугу, поэтому ей оставалось лишь изобразить смущение, бросить быстрый взгляд на Анселя и прикрыть лицо веером.

После минутного замешательства Ансель бросил невозмутимый взгляд на стоявшего рядом скромного Виэна с опущенной головой, и на душе у него шевельнулось неприятное раздражение.

Цири проследила за взглядом племянницы и смерила Анселя оценивающим взором, впрочем, оставшись вполне довольна увиденным. Вот только поскольку она только что ответила отказом, ей было неловко заводить разговор первой.

Виэн смотрел на кончик собственного носа, а на кончик носа — на сердце, твердо решив превратиться в красивую вазу.

В этот момент четверо людей были охвачены четырьмя совершенно разными мыслями.

Молчание нарушил Ансель:

— Не желает ли мисс Люсия почтить своим присутствием поместье Эмхольц?

Люсия подняла глаза на госпожу Цири. Суровое лицо Цири смягчилось, и она кивнула.

В карете Виэн не стал пытаться прижаться к Анселю на том же сиденье, а послушно устроился напротив. С момента посадки Ансель хранил молчание, рассеянно поглаживая пальцами узоры наверху своей трости. Лишь спустя долгое время он поднял взгляд на Виэна и тихо произнес:

— Виэн. Скажи мне честно, что ты чувствуешь к мисс Люсии?

Догадавшись, что его собираются в чем-то обвинить, Виэн торопливо замахал руками:

— Нет, что вы! Я просто слышал, что госпожа Цири очень балует свою племянницу, и подумал, что завести с ней знакомство было бы полезно, так я смог бы помочь вам...

Это объяснение прозвучало довольно мягко, но как Ансель мог не распознать скрытый за ним расчет? Чуть нахмурившись, он глухим голосом произнес:

— Беда прекрасных созданий в том, что они всегда слишком рано осознают собственную красоту.

— Молодой господин... — смущенно протянул Виэн, теребя пальцами край одежды. Его изумрудные глаза пару раз моргнули, и в них блеснули слезы. Он уже было хотел прикинуться несчастным, чтобы замять разговор, как заметил, что брови Анселя сошлись еще круче, и поспешно выдавил улыбку:

— Я ведь её не обманывал, и она в меня не влюблялась. В следующий раз, когда она приедет, я просто отойду подальше — мисс Люсия вовсе не упертая, чтобы заикливаться именно на мне...

Голос Виэна постепенно затихал, пока он растерянно смотрел на сидевшего перед ним сурового молодого аристократа. Люсия, может, и не была упрямой, зато Ансель — еще как. Разве в прошлой жизни он точно так же не играл его чувствами по мановению пальца, а потом просто выбросил этот бесценный золотой листок в лужу?

Неужели он испугался, увидев мое поведение?

Виэн вдруг прозрел. В ином случае он, пожалуй, решил бы, что Ансель просто презирает его за использование собственной внешности ради выгоды, не заглядывая при этом в суть вещей. Наверное, с точки зрения Анселя, проявления нежности к нему ничем не отличались от заигрываний с Люсией.

Раз он так переживает, значит ли это, что в этой жизни он тоже готов отдать мне свой золотой листок? Сердце Виэна забилось быстрее. Почему этот расчетливый делец, всегда ставящий во главу угла эквивалентный обмен, рядом с Виэном вечно выказывал робость, так рано выкладывая свою последнюю козырную карту на чашу весов чувств и перекладывая всю тяжесть гирек на плечи Виэна?

Он же изначально знал, что в этой сделке ему суждено проиграть, поэтому Виэну оставалось лишь обронить легкую, пусть и не лишнюю фальши фразу о любви, чтобы чаши весов пришли в равновесие.

Виэн внезапно вспомнил их первый настоящий поцелуй с Анселем, который произошел в саду в

прошлой жизни. Тогда Ансель как раз рассказывал ему о классификации цветов, когда откуда-то издалека донесся колокольный звон. Словно подчиняясь какому-то зову, Виэн наклонился и припал к тем бледным губам.

Ансель резко оттолкнул его, отступил на два шага назад и нахмурился:

— Зачем ты это сделал?

Виэн был абсолютно уверен, что в глазах напротив нет ни отвращения, ни безгливости — наоборот, они полны смятения и жажды. И тогда, набравшись смелости, он обнял его.

Ансель не стал сопротивляться. Он пристально смотрел на него, а в его голосе вновь зазвучала привычная невозмутимость:

— Что ты хочешь от меня получить?

Вид у него был такой, будто он находился не в объятиях мужчины, а за столом переговоров.

— Любовь? — с улыбкой бросил Виэн и снова подался вперед, но Ансель отвернулся, и поцелуй пришелся ему в подбородок.

— Любовь. А что еще? — с упрямством допытывался Ансель. Виэн тогда не мог сходу найти ответ: поначалу им двигало лишь тщеславие, но теперь всё стало намного сложнее — фунты, драгоценности, изысканная еда, шелка, породистые скакуны, тепло человеческого тела, цветочные ароматы, сумерки, пролетающие в небе перелетные птицы и даже далекий колокольный звон.

Да, звон. Далекий колокол уже пробил шесть раз, и Виэна вдруг охватила беспричинная тревога, словно если он не успеет обнять Ансея до того, как смолкнет звон, весь мир рухнет в пылающие закатные тучи на краю неба.

— Именно любовь, ничего больше. — Дыхание Виэна сбилось, голос дрожал, и, не успев договорить последнее слово, он снова припал к его губам. На этот раз Ансель обнял его за шею, отвечая на поцелуй.

Последний удар башенных часов всегда звучал звонче, и звуковые волны кругами расходились по небу.

Виэн никогда никому не признавался, что с той самой минуты он больше никогда не мог отделить образ Ансея от сумерек, колокольного звона, перелетных птиц и любви.